

Мой сумасшедший папа

Автор:

Ирина Андрианова

Мой сумасшедший папа

Ирина Анатольевна Андрианова

Школьная библиотека (Детская литература)

Главные герои трилогии, подростки конца 1980 – начала 1990-х гг., пытаются избавиться от мелочной родительской опеки, отстаивать свою независимость любой ценой. Они совершают множество нелепых, опасных для себя и других поступков, которые оборачиваются для них душевной опустошенностью, стыдом, раскаянием.

К расставанию с иллюзией ложно понятой взрослости, к преодолению эгоизма, высокомерия, презрения к окружающим подводит автор своих героев, оказавшихся в тяжелых, кризисных ситуациях.

Для старшего школьного возраста.

Ирина Андрианова

Мой сумасшедший папа

От автора

Эта книга – о ваших родителях, когда они были подростками. Об их странной, многослойной, местами опасной жизни.

В шестнадцать лет им, как и вам, тоже очень хотелось быстрее стать взрослыми, решать сложные проблемы, быть первыми в компаниях и открыто презирать слабаков. Им ничего не стоило обидеть ближнего, начать преследовать провинившегося и гнать его, как затравленного зайца, по улицам, переулкам, по городу, по жизни. Вашим родителям казалось, что вольный ветер в спину, дождь в висок, окрик взрослых вдогонку – это то, что надо! Крылья отрастают за горячей спиной.

В шестнадцать все мгновенно меняется: плохое – хорошее, друг – недруг, черное – белое. Такой неукротимый калейдоскоп из образов, понятий, ощущений. Очень трудно понять, где Истина, что правильно и нестыдно, как миновать боль и сделать так, чтобы никто не упрекнул, не засмеялся, не унижил. А если упрек, смех, унижение случаются – это конец всему, лучше камнем вниз... Так думаешь в шестнадцать лет.

Вы узнали себя, дорогие читатели? Ведь такими неуживчивыми, злыми, ершистыми были не только ваши родители, но временами бываете и вы сами. Увы, закон жизни один и тот же для всех поколений людей: выбраться на свет из грубой, жесткой, неудобной подростковой кожи восхитительной бабочкой – хорошим человеком.

В начале 1990-х моя трилогия появилась в журнале для подростков «Парус». Тогдашние читатели запомнили ранимую Командиршу, которая предала своего отца и теперь живет с ощущением беды. Запомнили и злого красивого парня Чёрта – предводителя подростковой компании. Но стоило Чёрту оступиться, показать свои слабые стороны, как он из первого человека превращается в последнего. Не забывается и резкая, непримиримая Эльза – девушка, считавшая себя железной и самой сильной на земле. Наблюдать за жизнью Эльзы – невероятное напряжение для читателя, но когда в конце книги мы видим, что произошло с героиней, хочется закрыть руками лицо и плакать...

Дорогие читатели, пришло время и вам прочитать «Моего сумасшедшего папу». Трудное чтение – всегда на пользу, потому что оно заставляет сопереживать, размышлять, узнавать себя в других. И помогает «вылупиться» достойному, правильному человеку.

Мой сумасшедший папа

«Папа, я предательница. Помнишь день выпускного бала? Папа, я – черный человек. Иногда мне кажется, что меня вывалили в грязи, а грязь запеклась, засохла, обезобразила лицо, руки, ноги, тело. Включая душу. Ты не сможешь простить меня, папа, если узнаешь всю правду. Я предала тебя. Я потеряла тебя в гадкий выпускной вечер. Помнишь? Помнишь тот день?»

Это письмо я написала несколько лет назад.

Я не смогла отправить его.

Не смогла разорвать.

И забыть не могу до сих пор.

Получилось, что я написала его самой себе.

Однажды я возвращалась домой в ночной электричке с одним мальчиком. Его звали Чёрт. Конечно, это было не имя, а кличка, причем удивительно точная.

Чёрт, в свою очередь, звал меня Командиршей. Когда мы познакомились, я говорила со всеми решительно, отрывисто, громко смеялась, как какой-нибудь отставной полковник в семейном кругу, – одним словом, Чёрт был не дурак и верно дал мне кличку.

Итак, мы ехали в ночной электричке.

Окно, у которого мы сидели, было открыто, и влажный, немного резкий ветер тербил волосы на голове Чёрта. Но он не двигался, не менял позы уже целый час, не открывал глаз – дремал, прислонившись к оконному косяку.

Я то и дело взглядывала на Чёрта; на душе было кисло, сплошные сквозняки. Я все время ждала, что он откроет глаза, улыбнется и что-нибудь спросит – о, это было бы единственно желаемое в те минуты чудо! Но, мечтая об одном, я знала совершенно другое: через тридцать – сорок минут мы выйдем на перроне ночного пыльного вокзала, постоим минуту в молочном круге обшарпанного фонаря, Чёрт пробормочет что-то незначашее, усмехнется и исчезнет в темноте. Растворится – шоколадный мальчик. Он растворится, будто его и не было никогда в моей жизни.

Час назад, до поездки в электричке, мы поняли, что ничего между нами нет, было и быть не может; и вообще, зря мы поперлись на далекую дачу, да еще в такую ночь, когда другие веселятся.

На мне было легкое серебристое платье, все в складках, длинное, без рукавов и с глубоким вырезом. Волнующее, в общем, платье. Над левой грудью болтался увядший малиновый цветок шиповника – еще три часа назад он был полон жизни и соков, поэтому я в порыве и сорвала его с дачного куста... На коленях лежала небольшая коричневая сумка, но не крошечная, дамская, в которую влезают только кошелек и расческа, а как раз для книги, пары общих тетрадей и яблока. С этой сумкой я таскалась на консультации перед выпускными экзаменами и зачем схватила именно ее в дорогу, на чужую дачу, – неясно. Сумка совершенно не шла к моему волнующему вечернему платью.

Я сидела в холодном вагоне электрички, поджав ноги в замызганных от дачной грязи и пыли туфлях, сцепив потные руки на коричневой сумке, и ощущала себя сломанной куклой, легко выброшенной на помойку.

Чёрт не просыпался. Да и не спал он вовсе. Просто уже отгородился от меня, моих проблем, я для него уже целый час была пустым местом. Он сам по себе сидел в вагоне – шоколадный мальчик.

Помню, я вздохнула и машинально открыла сумку. Мне захотелось в ней нашарить что-нибудь занятное, ну хотя бы обрывок старой газеты, в которую полгода назад был завернут бублик или пирожок за десять копеек. Я бы

уткнулась в этот масляный газетный обрывок, в расплывшиеся бледные строки, и сидела так до самого вокзала... Мне казалось, так станет легче; ой, а на душе такая тоска колыхалась, хоть рыдай и высовывай лицо в открытое черное окошко!..

И тут я нащупала на дне сумки несколько твердых конвертов.

Я их вытащила на свет божий, машинально сосчитала: семь штук. Семь писем от папы, которые я вынимала по утрам из почтового ящика и, не читая, бросала в сумку, а сама неслась на предэкзаменационные консультации.

Я разорвала первый конверт и жадно начала читать.

«Майн либен дота! – писал в своем первом письме папа. – Мама меня привезла сюда сегодня после завтрака. Погода стояла хорошая. На территории много тенистых мест – ты же знаешь, что папочка не любит жару. После обеда я много гулял и все время думал о вас с мамой. Но больше о тебе, моя единственная дочка. Я думал, какая ты у меня стала большая, умная, выходишь во взрослую жизнь. Тобой можно гордиться. Скоро мы с мамой будем тебе не нужны. Мы уже старички стали, не поспеть нам за тобой, да и надо ли тебе, чтобы мы поспедали? Ты прости меня, дочка, я говорю так потому, что так думаю, обидеть тебя не хочу.

Дочка, мне здесь очень не нравится. Не знаю, как смогу здесь пробыть целый месяц. Только и остается думать о том, как мы с тобой раньше везде были, везде ездили. Помнишь? Садись на троллейбус на Пушкинской, друг напротив друга, как попугайчики, и ехали в Серебряный Бор. Ты там нагуляешься, набегашься, напрыгаешься, а на обратном пути глазки закроешь и спишь. Я тебя бужу перед домом, а ты не просыпаешься. А я бужу, бужу. Ты была хорошая девочка – шоколадная головка.

Вот так я буду вспоминать про нас с тобой все время. Мне так здесь легче.

Дочка моя любезная, решил тебе написать, так как автомат все время занят и большая очередь. Все говорят по часу. Да-да, не поверишь. Если у тебя будет свободная минута, приезжай. Как сдашь экзамен – и к папочке на час, ладно? Я разграфил тетрадь за две копейки с твоими экзаменами, будешь говорить мне

оценку за экзамен, я запишу, а потом, когда ты уйдешь, буду разглядывать эту тетрадь и все время думать о тебе и о маме. Дочка, буду очень ждать! И привези шерстяные носки, думаю, что буду мерзнуть, потому что моя кровать стоит у окна, а в комнате все время сквозняки.

Целую.

Твой папа»

Я воспроизвожу сейчас это письмо, как и другие, по памяти. Может быть, что-то и забыла, но основной тон письма, сравнение «как попугайчики», папин стиль навсегда-навсегда врезались в мою память. Ошибки здесь быть не должно...

Мой папа тогда – да, впрочем, и сейчас – был непохожим на других людей. О таких, как он, говорят: «Этот тип со странностями».

Когда он встречал меня из детского сада, то обычно приносил в кармане вместе с яблоком тщательно выглаженный шелковый желтый шарфик и торжественно объявлял: «Дочка, я принес тебе кашне». Это кашне он долго, с любовью, неловкими пальцами пристраивал на моей шее.

Регулярно папа водил меня в театры и кинотеатры, на детские праздники и терпеливо поджидал в дождь, снег или слякоть свою «майн либен доту» у выхода, не отлучаясь ни в магазины, ни в ближний сквер – никуда.

Еще он обожал фотографироваться вместе со мной и походы в фотоателье обставлял как великие праздники. Мы по полдня чистились, гладились, прихорашивались, шли по лужам и сугробам, осторожно ставя ноги в нагуталиненных и до блеска отполированных ботинках.

Однажды, в третьем классе, я бросила в слюнявого Крестьянкина с первой парты длинную влажную кожуру от апельсина. Бросила потому, что он строил мне дикие рожи... Крестьянкин расплакался и пожаловался родителям. Когда папа узнал об этом случае от учительницы, то дома долго смеялся, обнимал меня, не ругал ни секунды, а твердил: «Как здорово ты проучила этого Крестьянкина! Какая ты смелая!»

Все мои школьные сочинения, глупые первые стихи папа складывал в папку, время от времени извлекал их и разглядывал с таким умиленным, проникновенным лицом, будто это было не детское примитивное творчество, а архивные находки, никем еще, кроме него, не виданные, не читанные.

Когда я болела, папа ходил по дому с выпученными глазами и шептал маме страшные слова: «Если она умрет, я себе никогда не прощу!»

Он ощущал меня и себя как одно целое, неделимое существо, поэтому однажды на прогулке по солнечному лесу сообщил, что стоит на учете в психдиспансере из-за давней армейской истории. В тот год мне исполнилось двенадцать лет.

Из-за папы, его неиссякаемой бдительности, его вселенской опеки и сумасшедшей тревоги за меня и мою жизнь, в детстве я ни с кем не дружила близко, серьезно, так, чтобы не разлей вода. Папа всегда был рядом со мной, как солдат на посту, как солнце в небе.

Я вздохнула над папиным письмом и снова украдкой взглянула на Чёрта. Его лицо было спокойным, безмятежным, только в уголках губ таилось какое-то обидное брезгливое выражение. Или это мне только показалось? Но теперь его лицо и выражение этого лица не имели никакого ко мне отношения. Я и Чёрт – чужие люди, как бы случайно оказавшиеся в одном вагоне, друг против друга, будто унылые попугайчики.

И что я тогда так переживала? С самого начала со мной и Чёртом все было ясно. Ведь мы составляли нелепую пару.

Он высокий, черноглазый, с правильными чертами матового лица, с кошачьей мягкой походкой и густой, вороного цвета шевелюрой. На эту шевелюру, помню, оглядывались многие прохожие. Конечно, не все в облике Чёрта было совершенно, но эти недостатки не бросались в глаза и поэтому как бы не считались. Например, я знала, что у Чёрта невысокий лоб, можно даже сказать узкий, неприятный. Он тщательно прикрывал его челкой, маскировал. У него некрасивые верхние зубы – будто по ним кто-то ударил, они разъехались, но не

выпали и прижились, оставшись кривыми – один смотрит туда, другой сюда... И все-таки, все-таки в первый момент Чёрт производил ошеломляющее впечатление: смугловатое лицо, вороные волосы, яркие, красивые губы, черные глаза. Ну, это я уже повторяюсь.

Рядом с ним я смотрелась ужасно! Широкоплечая, скуластая, ниже Чёрта на целую голову. Разве что глаза ничего – впечатляющие. Я знала от других: они менялись, как море, – то синие, то серые, то зеленые. В общем, цвет зависит от настроения и цвета одежды. Но почему Чёрт ко мне привязался – загадка, ведь у него была возможность с такими девочками ходить – закачаешься.

Познакомились мы за два месяца до нашей ночной поездки. Познакомились довольно оригинально, и конечно же ничего бы у нас не сладилось, не будь моего блистательного вранья. Вообще-то я никогда не отличалась лукавством и изворотливостью, но в момент нашего первого разговора будто нечистая сила потянула меня за язык.

Мой папа – методист по лечебной физкультуре. У него довольно маленький оклад, и он, сколько себя помню, подрабатывал частными уроками. То есть два-три раза в неделю папа ходил заниматься лечебной физкультурой в пару богатых семей, а в конце месяца получал гонорар, и, честно говоря, эти не ах какие деньги были существенным подспорьем в нашем семейном бюджете.

В первых числах апреля папа попросил меня сходить к профессору-историку, новому своему клиенту. Профессор страдал остеохондрозом – отложением солей, и папа не успевал зайти к профессору за деньгами, перезвонил и сказал, что приду я, дочка, и чтобы конверт с гонораром передали мне.

Вот я и пришла к бедному больному остеохондрознику. Правда, профессор не производил впечатления несчастного – поджарый, моложавый мужик в бархатном халате до пят, немного лысоватый, и на первый взгляд – ничего. Если бы он пристал ко мне на бульваре, я бы три-четыре минуты поболтала с ним.

В прихожей рядом с остеохондрозным моложавым профессором стоял высокий черноглазый мальчик и с любопытством смотрел на меня.

– А-а, как же, как же! – обрадовался папин новый клиент. – Вот, передай отцу, – он протянул конверт, – и скажи, что всегда с нетерпением его жду. Передашь?

– Конечно, – ответила я. – До свидания.

– До свидания. – Профессор услужливо открыл мне дверь.

За мной вышел из квартиры мальчик, успев у порога сунуть профессору свой конверт, а профессор совершенно иным тоном, чем тем, с которым обращался ко мне, буркнул ему:

– До среды, ровно в четыре.

– Ага, – ответил мальчик. Голос его оказался приятным, уже сломавшимся, низким, бархатным, – благородный такой голос.

Мы пошли гуськом, один за другим по лестнице. Она была широкой, просторной, старинной, с множеством окон – хоть пляши на ней, хоть пой, хоть спокойно гроб разворачивай. Почему я вспомнила про гроб? Наверно, потому, что старушки, сидящие перед моим подъездом, время от времени обсуждали эту животрепещущую тему: как их скорбные гробы станут разворачивать на тесных лестничных площадках – вон Марью из Солнцева перевернули между вторым и третьим этажами: узко...

– Эй, слышь! – окликнул меня мальчик. – Откуда твой отец знает Сулеймана?

Я тут же догадалась, что «Сулейман» – от профессорской фамилии Сулейкин.

– От верблюда! – огрызнулась я, но почему-то, поразмыслив, решила удостоить высокого мальчика интригующей информацией: – Сулейкин – профессор, а мой папа – членкор. Этот Сулейкин от него зависит, вот взятку давал: мол, замолвите за меня словечко в Академии наук.

– Покажи взятку, – сказал мальчик, поравнявшись со мной.

Мы не шли, а парили по светлой, шикарной лестнице.

– Смотри. – Я небрежно открыла конверт. Там лежала смятая двадцатипятирублевка – месячный заработок папы у профессора Сулейкина.

– Нежирно! – усмехнулся мальчик.

– На чай папе хватит. Или мне – на шпильки.

– Тогда давай купим тебе шпилек на все, – предложил мальчик.

Его черные глаза смеялись, он не верил ни мне, ни папе-членкору, ни взятке, ни шпилькам.

Тут меня будто бес щипнул.

– А пошли! – выкрикнула я, и у меня похолодело под ложечкой. – Пошли по магазинам!

– Во командирша! – сказал мальчик. – Не ори так, я согласен.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Чёрт, – ответил он, и снова его черные глаза засмеялись.

До сих пор я не знаю его настоящего имени, не знаю и фамилии, но то, что его кличка была действительно Чёрт, – это суцая правда, он тут не соврал.

Мы распахнули тяжелую доисторическую дверь светлого подъезда и вышли на весеннюю улицу. Она показалась мне грязнее и уже торжественных лестничных пролетов.

Конечно же мы не двинули по многолюдным магазинам, а закатились в ближайшее кафе-мороженое и там благополучно проели пятнадцать рублей из папиного заработка. Чёрт уже так освоился со мной, что когда официант принес сдачу десять рублей, он потянулся к ней, как к своей кровной. Мне не понравилась его рука: тонкие, детские, ленивые пальцы, небрежно тянувшиеся к несвежей, замызганной десятке. В Чёртовой руке было столько хамства, пренебрежения, высокомерия врожденного, кем-то привитого, неискорененного,

что меня, помню, даже в жар бросило. У мальчишек должны быть шершавые руки, в царапинах, ссадинах, в черточках от шариковых ручек, может быть, даже с не очень чистыми ногтями, в цыпках и бугорках – руки будущих мужчин, а не холеной цацы.

Помню, я легонько стукнула Чёрта по пальцам – они от неожиданности дрогнули и сжались в кулак, как щупальца молоденького осьминога, – и сама взяла жалкую десятку. Чёрт хмыкнул, я хмыкнула в ответ. И мы пошли гулять по городу.

Если честно, мне понравилось гулять с Чёртом. Как только мы оказались на улице и свернули на ближайший бульвар, я тут же забыла про его руки и то неприятное ощущение, которое испытала несколько минут назад. Высокий, улыбчивый, красивый мальчик шел рядом и снисходительно слушал мою болтовню. Город был наш, апрель был наш, и я ощутила, что влюбилась.

О чем мы говорили? В чем была притягательность наших разговоров и встреч? Почему почти ежедневно, невзирая на страх перед надвигающимися выпускными экзаменами, на бесконечную подготовку к ним, я стремилась к Чёрту, прогуливая консультации, наплевав на учебники?

Сейчас нечего и вспомнить из тех разговоров. Больше говорила я, чем он. Придумывала занимательные истории про папу-членкора, делилась впечатлением от прослушанных новых записей из фонотеки Светки Павловой, трепалась о кинофильмах, расписывала свое великое литературное будущее, и так далее, и тому подобное. Наши беседы оказались словесным сором, шелухой, их развеяло время без следа и пыли.

Чёрт никогда не рассказывал о своих родителях; очень немного, мельком – о школе и хрониках, наполнявших ее, о тех ребятах, с которыми дружил, от безделья встречался и таскался по дворам и улицам, то есть о своей команде. Особенно меня поразило, как они разделяли людей на пять групп: чмошников (сокращенно – чмо), урюков, Степанов, хроников и мафию. Эти группы придумал сам Чёрт, а команда с восторгом повторила и заучила.

Чмошники, по мнению Чёрта, были круглые придурки; урюки – тоже придурки, но чуточку поумнее чмошников. Степаны – те, кто добрые и не предатели, умеют верно служить и никогда не закладывают, в общем, незамысловатые ребята.

Хроники – идейные, долбанутые на том или ином вопросе. А мафия – это он, Чёрт. Умный. Изворотливый. Знающий себе и окружающим цену. Главный в команде.

– Чёрт, а я кто, как ты думаешь? – спросила я, когда узнала об этой таблице постижения человеческих характеров.

– Ты – никто, ты – Командирша! – улыбнулся он.

Его улыбка задела меня: он слишком широко раздвинул губы, кривые верхние зубы хищно блеснули. Брр, неприятно! Эта улыбка четко напоминала звериный оскал.

Почему он не ответил на мой вопрос? Может быть, не хотел спорить, вдаваться в подробности или жалел меня, не хотел обидеть вот так, с бухты-баракты?

Вообще, я сейчас вспоминаю, Чёрт был скучающим мальчиком, пресыщенным всевозможными мелкими развлечениями, обрывочными популярными сведениями о музыке, кино, искусстве, спорте, политике. Он был мальчиком, у которого есть всё и всё, что требуется во взрослой жизни, будет.

Почему он звонил мне? Потому что сразу, с нашего знакомства, раскусил мою простую, незатейливую натуру, мой добрый настрой к миру, нежадность, почувствовал мое желание нравиться ему – и ему стало любопытно. У него родилась одна идея. Чёрт знал, что, если он мне ее изложит, я не откажу.

Все-таки этот стройный, высокий мальчик с черными глазами и обалденной шевелюрой имел врожденное умение чувствовать людей. Из него получился бы неплохой психолог.

Но каким – ах! – легким по настроению был день нашего знакомства. Он остался в моей памяти даже некой музыкой, радостной, мажорной, прозрачной, будто неудержимая апрельская вода на лесных дорогах.

Но уже тогда, в первые часы знакомства, беда шла за мной на цепких лапах. Это я поняла со временем; но что поделаешь – человеку не дано заглянуть в свое будущее, в историю личной жизни.

Правда, истоки той беды мне более или менее ясны – они таились в нашей с Чёртом несовместимости. Он был мальчиком из иного круга, с иными понятиями о жизни, и даже если бы мы остались вместе (фантастическое предположение!), взрослыми людьми все равно бы разбежались.

Ту десятку на сдачу мне так и не удалось донести до дому: Чёрт предложил взять такси после пятичасовой прогулки, я согласилась, и сначала мы добрались до моего дома, а потом Чёрт поехал до своего, взяв детскими пренебрежительными пальцами деньги. Кто его знает, может, он вышел из машины через два дома и сэкономил таким образом семь рублей.

Папа очень заволновался, узнав, что профессор Сулейкин ничего мне не дал: я придумала историю, как чей-то глухой, тревожный голос через дверь спросил: «Кто здесь?.. Какой гонорар? Никакого гонорара я не знаю и знать не хочу!» Для пущей достоверности я описала дверь профессора, обитую красной кожей, праздничную светлую лестницу – и папа поверил. Его лицо покрылось пятнами, он забегал по комнате и запричитал:

– Обманул! Обманул! Я так и знал, что обманет! Неприятный, неприятный тип! Фу, дома ходит в халате, как женщина! Больше я к нему ни ногой! Ходишь-ходишь ко всем, унижаешься, выслушиваешь про болезни, – а знаешь, дочка, как надоедает про болезни слушать! – стараешься, а в награду что? Обман, обман и грабеж!

Про себя я облегченно вздохнула: раз папа пообещал ни ногой к профессору, так оно и будет. Бедный Сулейкин, бедный папа, бедный семейный бюджет, утративший двадцать пять рублей!.. Одна я, торжествующая, с облегченной душой – уф, мой обман не вскроется...

На следующий день Чёрт позвонил мне, и в течение двух месяцев мы встречались. Я, счастливая, думала, что пришла любовь.

Электричка отсчитывала ночные километры, в вагоне становилось все холоднее. Чёрт не открывал глаза, а я вскрыла второе папино письмо.

«Любимая, драгоценная моя, прошло уже три дня, как я здесь. Впереди двадцать один день, не знаю, выдержу ли эту пытку – очень соскучился. Все время думаю, как вы там с мамой без меня живете, как ты сдаешь выпускные экзамены. Я уверен, дочка, тебя ждет большое будущее. Ты же с семи лет сочиняешь – пишешь стихи и рассказы, поэтому целенаправленно должна стремиться к успеху и литературному труду. Я буду тебе помогать во всем, майн либен дота, ты же не отталкивай своего папочку. У меня в жизни только ты и есть, одна, как звезда. И еще – мама. Но на маму я в большой обиде. То, что она меня сюда зафуговала, очень плохо. Я тебе не успел перед расставанием сказать, но она два дня кричала на меня, когда тебя не было дома, говорила, что я испортил ей жизнь и теперь порчу тебе, а сейчас мешаю сдавать экзамены. Разве это так? Разве я не думал всегда только о тебе и не жил ради тебя? Ведь еще в девять месяцев тебе одна женщина в сквере, где вы с мамой каждый день гуляли, предсказала литературное будущее и посоветовала отвезти тебя под цветущую яблоню, и чтобы ты под яблоней уснула. „Тогда, – сказала та женщина (я думаю, она была волшебницей), – ваша дочь станет заниматься литературным трудом“. Мама не придавала значения этому предсказанию, а я тут же – был май – отвез тебя в Ботанический сад, и ты там под яблоней заснула. Думаю, не зря я тебя отвозил: твои сочинения всегда считались в классе лучшими...»

Я закрыла глаза, почувствовав: закрыть глаза необходимо, иначе заплачу, и увидела своего суевающегося папу, который ставит на стол над моей головой амариллис, четыре огненных граммафона на сочной длинной ножке, и приговаривает: «Спи, спи, майн либен дота... Спи, спи, моя шоколадная головка». Видимо, домашними цветами папа старался закрепить чары цветущей яблони, и когда в нашей квартире распускались нежные узамбарские фиалки, жасмин самбук, лилии, он их пристраивал над моей постелью. Папа с удовольствием ухаживал за домашним садом, видимо предполагая, что во время цветения растения отблагодарят всю нашу семью, и в особенности меня, сторицей.

«...Кормят здесь прилично, я на вечер всегда беру печенье от ужина. Мужчины все дни напролет смотрят телевизор, играют в домино или в волейбол. Но ты же знаешь: папа плохо видит, поэтому не может ни телевизор смотреть, ни в играх участвовать. Поэтому я все время думаю о тебе, моя шоколадная головка, моя умница, моя талантливая дочка. Ты маме скажи, чтобы она в следующий раз на меня не кричала, не обзывала и не придумывала, что я тебе мешаю жить и

учиться. Я только потому и согласился приехать сюда, что на секунду поверил: мол, все так, как она говорит. А так бы ни за что не согласился.

Дочка, жду тебя каждую секунду. Приезжай. Целую крепко. Маме, несмотря ни на что, – большой привет.

Папа»

Бедный, бедный мой папа не знал самого главного, просто предположить не мог подобную ситуацию: в том, что он во время моих выпускных экзаменов оказался не дома, а там, откуда посылал жалобные сумбурные письма, виновата не мама, а я. Я. Его любимая, неповторимая звезда, дота и любезная дочка. Я умышленно настроила маму на принятие этого жестокого в общем-то решения, доказала ей, что, когда отец дома, я не могу сосредоточиться... И потом – впереди выпускной вечер, от которого папу нужно отсечь, как охотники отсекают волка красными флажками.

Выпускной вечер мне был нужен ради первой в моей жизни свободной ночи, когда родители спокойно ложатся спать, думая, что их детки веселятся в школьном актовом зале. Когда родители не бегут с фонарями разыскивать своих чад. Но я, я хорошо изучила папу: он, в отличие от других родителей, не сидел бы расслабленно дома, не ждал рассвета и прихода взрослого ребенка домой, он бы дежурил под окнами школы, а если выпускной народ пожелал бы гулять по улицам, тащился бы сзади и не спускал подслеповатых глаз с меня, любимой, дорогой и так далее доты...

В последних числах мая папа начал нервничать. По вечерам он кропотливо пересматривал гардероб, перетряхивал вещи, примеривал поочередно три старых костюма, которые давно годились только для утиля, вздыхал над коробками с обувью. Обувь находилась в плачевном состоянии: потрескавшаяся, потерявшая первоначальный цвет, она все же бережно хранилась в глубине антресолей, завернутая в газеты, со скомканной бумагой в мысках, загнанная в темноту разваливающихся бумажных коробок.

– Пятьдесят шестой год... Китайские кеды... Лакированные ботинки за сорок пять рублей теми деньгами, – бормотал папа, непрерывно шурша бумагой.

Мы с мамой тревожно прислушивались к его ежевечерней бурной деятельности в коридоре. Может быть, папа задумал начать новую жизнь из-за того, что я оканчиваю школу?

Но нет – переменами на новую жизнь и не пахло. Во всяком случае, в новую жизнь не входят в ботинках на отваливающейся микропорке или в бостоновом, проеденном молью пиджаке и не задают тревожно вопрос:

– Ну как?

Как-как... Никак. Полный кошмар! Мы с мамой недоумевали: что происходит с нашим папой? И лихорадочно искали ответ на этот вопрос – чем раньше мы его найдем, тем всем же лучше.

И вот в один прекрасный вечер, когда папа появился из прихожей в маминой древней, окаменевшей шляпке и синем мамином пальто времен карточной системы, – этот маскарад нужно было расценивать, как домашний юмор, – меня вдруг осенило.

– Мама, – сказала я глухо, – да он же собирается на мой выпускной вечер!

Моя догадка попала в точку. Папа сатанински расхохотался, захлопал в ладоши, подбежал ко мне, стал обнимать, приговаривая:

– Майн либен дота! Майн либен дота!..

– Ты что, намылился меня сопровождать? – сурово спросила я его.

– Почему бы нет? Почему бы нет? – радовался папа. – Ты – моя единственная дочка, у тебя единственный в жизни выпускной вечер. Я хотел бы хоть одним глазком посмотреть на тебя...

– Нет уж, не надо, – сказала я с дрожью в голосе. – Знаю я, как ты согласишься одним глазком. Потом все глаза в школе будут смотреть на меня и на тебя.

– Что плохого в том, если отец придет на выпускной вечер дочери? – продолжал настаивать папа. – Скажи, что в этом отвратного? Я не крокодил, не обезьяна,

оденусь прилично и тихонечко там побуду...

Я решила не продолжать зашедшую в тупик тему. Решила прибегнуть к помощи мамы и уговорить ее, внушить ей, что отец – должен – отдохнуть – и он – мне – мешает – готовиться – к экзаменам – его – и – мои – нервы – не – выдержат...

На самом деле я боролась за выпускную ночь, как раненый зверь цепляется за жизнь, совершенно по другой причине. В выпускную ночь я не собиралась тащиться в школу, чтобы глазеть на расфуфыренных одноклассников и напряженных учителей. Мы с Чёртом должны были уехать за город в эту ночь...

На свидания с Чёртом я ходила в одежде своей подруги Светки Павловой. Мои отечественные длинные и разноцветные разнокалиберные свитерки были из той бедняцкой жизни, которую мы вели с родителями: сто двадцать плюс сто пятьдесят плюс гонорары за частные уроки лечебной физкультуры (не превышающие, кстати, в месяц пятидесяти рублей) – вот и все, чем мы располагали. Поэтому меня одевали очень и очень скромно.

Светка Павлова в этот апрель и май с удовольствием выручала меня бараклом. Ее родители часто бывали за границей, так что проблем с тряпками у Светки не существовало. Взамен она ничего не просила, кроме подробностей наших с Чёртом свиданий... А какие у этих свиданий могли быть подробности? Почти все я придумывала, расписывала, рассказывала «со вкусом»: мол, и целуется что надо, и квартира у него – конфетка, и слова говорил такие и такие, и уже приставал по-серьезному, но я вовремя остановилась, решив попробовать после окончания школы.

Светка всему верила, у нее глаза так и блестели, только что слюни не капали, и все канючила: «Ма-ать, ну познакомь меня с его дру-угом!» Я обещала. А зачем обещала – непонятно. Чёрт меня со своими друзьями не знакомил.

Он вообще, как мне казалось, был везде один, благородный такой, сам по себе, шоколадный мальчик. В образе эдакого брошенного всеми, независимого рыцаря. Или несгибаемого, стойкого, сильного молодого короля. Да-да, он держался со мной благосклонно, по-царски. Вроде как бы терпел.

Чёрту нравилось, что каждый раз на наши встречи я являюсь в чем-то новом.

- Как там фазер - членкор? - любопытствовал он. - Из загранки, что ли, приехал?

- Ну, - отвечала я. - Из загранки. Вагон шмоток приволок...

Сам Чёрт носил не ахти какие джинсы, рубашки, кроссовки и куртки. Они не бросались в глаза, и похожие я встречала на многих, но зато все его вещи были импортными. Единственная необычайная деталь, которая присутствовала в его облике, - золотая цепочка на шее. Как бы некий знак принадлежности к высшему обществу. Кажется, у него было даже две цепочки: одна венецианская, другая - якорная; он их менял - может быть, в зависимости от настроения. Я поражалась в душе, как небрежно он носил эти дорогие вещи, будто безделушки из табачного ларька стоимостью в два-три рубля.

Однажды, как раз перед эпизодом с переодеваниями папы, Чёрт спросил меня:

- Командирша, у вас дача есть?

- Есть, - тут же соврала я.

- Съездим?

- Зачем?

- Воздухом подышим, - сказал он и усмехнулся.

- А у тебя есть дача? - тут же спросила я.

- Конечно. Только там бабка день и ночь.

- Ну и что?

– Ничего, – ответил он, и глаза – черные ямы. – Можешь так сделать, чтобы никого на твоей не было? Ты же Командирша, скомандуй, а?

– Там никого и так не бывает, – вяло попыталась я пошутить.

– Тогда когда поедем?

И тут я ухнула, будто в реку с головой:

– Давай в выпускной вечер?

– У-у-у... – лениво протянул Чёрт. – До него целый месяц. А раньше?

– Нет, я экзамены начну сдавать, не до поездок.

– Ну ла-адно. Только без обмана, Командирша. Замётано?

– Чёрт, все же, что мы там будем делать?

– Воздухом дышать, – повторил он и коснулся моей руки. Его пальцы показались мне горячими, как кипяток.

Чёрт поцеловал меня в первый раз. Целовался он классно, дух захватывало! Кстати, Чёрт был младше меня: я оканчивала десятый класс, а он – девятый. Правда, о школе он почти не рассказывал, и о репетиторах тоже. Но я догадывалась, что он к ним ходит. Его предусмотрительные богатые родители заставили сыночка ходить к репетиторам заранее: очень они хотели, чтобы Чёрт поступил в университет. И вообще – сделал карьеру в будущем.

Огненный, отточенный поцелуй Чёрта добил меня: откуда у него такая техника и умение? Загадка.

После разговора о даче мы к этой теме не возвращались. Как бы твердо знали: поездка должна состояться, замётано. Но вот на какую дачу мы должны были ехать, я не представляла. Естественно, никакой дачи у моих родителей сроду не существовало.

И тогда я снова кинулась в ножки к Светке Павловой. У ее родителей – полная чаша: машина, дача, кооперативная квартира. Светка подумала-подумала и согласилась, взяв с меня честное слово, что я расскажу ей всё после возвращения...

Не буду прикидываться дурочкой и делать вид, что до сих пор не понимаю, зачем Чёрт агитировал меня поехать с ним на дачу. Я и тогда понимала: он хотел со мной близости. Ничего в этом, по зрелому размышлению, нет плохого. Если люди любят друг друга. Если они жить друг без друга не могут. Если искра проскакивает, когда они встречаются глазами или берутся за руки. Обычно такой глубины чувства впервые появляются лет в семнадцать-восемнадцать. И нечего тут взрослым фыркать, негодуя над этой страницей. Жизнь есть жизнь.

Но в том, что я легко согласилась ехать с Чёртом на дачу, была все же отвратительная начинка. Я видела: он не любит меня. Ему любопытно. Ему интересно. Ему захотелось легких отношений и надоело бродить по улицам. Ему обрыдли наши школьные невинные свидания.

Да, я чувствовала все это – унижительное, серое – и согласилась.

Я начала расчищать, как бульдозер, путь для нашей первой ночи.

Я унизилась перед Светкой Павловой с ее дешевым любопытством.

Я продумала, как Штирлиц, весь день выпускного бала – до крошечных мелочей, подробностей. Потому что хотела привязать к себе шоколадного независимого мальчика с золотой цепочкой на шее.

И я уговорила, уломала, убедила маму положить отца в психоневрологический стационар. Попросту говоря – в психушку.

Я читала третье папино письмо, когда дверь распахнулась и в вагон ввалилась компания из пяти человек: четверо парней нашего с Чёртом возраста, а с ними девица, высокая, стройная, нервная, в облаке черных волос над острыми прямыми плечами, затянутая в черную кожу – блестящие брюки и блестящую куртку.

Они сели через три лавки от нас. Чёрт оказался сидящим к ним спиной.

«...Я понимаю, дота, ты сдаешь ответственные в своей жизни экзамены, – писал папа. – Наверное, поэтому ты не едешь, хотя я тебя жду изо дня в день. Есть специальные часы посещения – с семнадцати до девятнадцати. В эти часы я все время стою у больничных ворот и жду, жду. Боюсь тебя проглядеть, ведь ты знаешь, я плохо вижу. Все-таки можно приехать к папочке на пару часов. Приезжай, моя милая дочка!

Выйду отсюда, давай пройдемся по тем местам, где мы любили гулять, когда ты была маленькая, – папочка расскажет тебе много интересного.

Двое мужчин так храпят, что невозможно спать. Я, правда, молчу, врачу не говорю, а то накормит такими лекарствами, что весь день будешь ходить заторможенный. Я не хочу так, хочу думать про тебя.

Как вы там с мамой? Я несколько раз пробовал позвонить вам, но сломался автомат, а когда починят, никто не знает.

Приезжай, милая моя дота!

Любящий тебя отец»

Компания сразу открыла окно – ночной ветер теперь легко носился по вагону, а волосы на голове Чёрта не просто шевелились, а разлетались в стороны. Затем все пятеро закурили, загомонили, включили магнитофон.

– Эльза, где твой красавчик? – спросил один из парней.

– На idiotские вопросы не отвечаю, – отрезала хриплым голосом Эльза.

– Целуется, наверное, с очередной телкой. Он такой у нас, своего не упустит, – лениво продолжал тот же голос.

– Заткнись, Панок! – приказала Эльза.

– Ой, ой! Чего ты так разнервничалась? Не знаешь, где он, – не надо.

– Знаю, – ответила Эльза. – Панок, давно чмошником не был?

На последний вопрос ответа не последовало, но в этот момент я оторвалась от папиного письма и взглянула на Чёрта.

Он сидел широко открыв глаза, с застывшим каменным лицом. Губы его сжались в бледную твердую бескровную полоску, щеки побелели, а глаза смотрели в одну точку. Такого мрачного, тяжелого взгляда я ни у кого раньше не видела.

И тут я догадалась. Там, за спиной, сидела его, Чёрта, команда, правда не в полном составе, но именно он был у них основным, мафией.

Теперь Чёрт с помертвевшими глазами сидел и слушал, как его команда говорит в легком оскорбительном стиле о нем самом, о мафии. И кто говорит? Чмоишки, урюки и Степаны. Хроников, по мнению Чёрта, в их команде еще не завелось.

Вдруг он встал.

– Эльза, я здесь! – сказал он резко, громко.

Он будто вызов бросил тонкогубой худой кожаной девице. Его голос прозвучал в выстуженном, холодном вагоне электрички металлически, напряженно. Он не был похож на тот глубокий, бархатный, каким Чёрт обычно говорил со мной.

– Здорово, Чёрт, – ответила хрипло, уверенно Эльза. – А мы тебя не заметили. Вот незадача! Ты с новой девочкой?

Ох как неуютно мне стало в нелепом серебристом вечернем английском платье!
Ох как проигрывала я рядом с худой, нервной, супермодной Эльзой!

– А ты с теми же мальчиками? – ответил вопросом на вопрос Чёрт. – Дайте сигарету, что ли.

– Мог бы получше в этот раз выбрать себе девочку, – нагло продолжала Эльза. – Это та, с которой ты два месяца...

– С каких пор, Эльза, ты стала нарываться на грубость? – тихо спросил Чёрт.

Эльза замолчала: видимо, Чёрт посмотрел на нее черными бешеными глазами. Он умел так смотреть – кровь застывала в жилах.

В этот момент до меня дошло, что команда во главе с Эльзой не случайно оказалась в поздней электричке, которая тащилась через холодную ночь в город, что у команды есть свои, продуманные цели: или закопать, унижить меня, или свергнуть Чёрта до положения урюка, а то и чмошника. Может быть, еще что-то крутилось у них на уме.

Я не испугалась. Мне было плевать на то, что в этом вагоне решается сейчас моя судьба. И даже наплевать, пошел ли Чёрт к своей взбунтовавшейся команде защищать меня, или они сейчас объединятся и начнут издеваться надо мной все вместе.

Тут я открыла еще одно папино письмо.

Оно, наверное, было отправлено последним, и, в отличие от тех, что я уже прочитала, очень короткое. Папа писал:

«Дочка, я многое здесь передумал и решил: ничего страшного не случится, если я сбегу на твой выпускной вечер. Правда, не уверен, что получится. Не говори маме.

Папа»

Как-то трудно укладывалась в голове эта информация: будто папа написал мне о будущем нескором событии, а не о сегодняшнем выпускном вечере. Неужели ему удалось покинуть больницу, и он весь вечер промотался под школьными окнами, безнадежно вглядываясь своими слабыми глазами в тихие темные окна первого этажа?..

– Мальчики, знаете, наш благородный Чёрт, наш принц распрекрасный, два месяца назад клялся мне в вечной любви, – сообщила публике Эльза.

Кто-то засмеялся дурацким смехом, будто заблеял. Эльза явно подначивала Чёрта: она, как голодная волчица, бежала грудь в грудь с ним, гордым оленем, изредка пытаюсь схватить его за холку.

«Неправда, – хотела сказать я. – Ты врешь, голубушка. Твой Чёрт никогда не объясняется в любви. Ложь!» Но я вовремя остановилась: разве я могла сказать так за всех? За всех тех, кто нравился Чёрту, с кем он ездил на квартиры и дачи, сидел в кафе-мороженых, с кем брал детскими, холеными пальцами от официантов сдачу? Со мной было так, с Эльзой – по-другому, с какой-нибудь Ивановой – третий вариант.

– Эльза, я терплю, потому что ты баба, – сказал грубо Чёрт. – Но учти: выведешь из себя – схлопочешь.

– Ой ли! – почему-то обрадовалась Эльза. – Ты разве бьешь девушек? Они тебе подчиняются, потому что ты сильный, да, Чёрт? И эту красавицу в старомодной тряпке ты тоже бил, чтобы она два месяца бегала за тобой, как верная собака?

Здесь бы я на месте Чёрта взорвалась и съездила Эльзе по лицу. Но он удивительно был терпелив с ней, а она чувствовала это. Она на какую-то долю выигрывала, казалась сильнее его, шоколадного, стройного мальчика.

– Красиво говоришь, Эльза. Я рад твоим ораторским успехам, – спокойно сказал Чёрт.

Я не вмешивалась в их диалог. Я вообще на протяжении всей перебранки сидела тихо, как мышка, и делала вид, что никого здесь не знаю и мальчик, по имени Чёрт, никакого отношения ко мне не имеет. Но ведь это было не так.

Вдруг Эльза повернулась в мою сторону и спросила:

– Как твою нынешнюю зовут, Чёрт?

Все замолчали, даже выключили магнитофон, потому что события принимали совершенно другой оборот: на сцену должна была выйти я, нелепая широкоплечая выпускница в длинном серебристом платье.

Чёрт молчал, и я решила ответить сама:

– Меня зовут Командирша.

Команда с готовностью заржала: она бы заржала любому моему ответу.

Эльза, королева королевой, прошла, виляя кожаными бедрами, между скамейками и встала передо мной, руки в боки, – эдакая современная точеная статуэтка.

– Пойдем выйдем, поговорим, – предложила мне Эльза, сузив глаза.

Я увидела: губы у нее тонкие, злые, в красной с фиолетовым помаде.

Я встала, скомкала папины письма, нервно сунула их в сумку и пошла за Эльзой в тамбур. Все это проделала, как сомнамбула, с ощущением: не я, не со мной, страшный сон.

Эльза пропустила меня вперед и в спину прошипела:

– Чмош-шница!..

Не знаю, услышала ли это слово команда, но за моей спиной было тихо, только Панок бодро заявил:

– Во, сейчас разборки пойдут...

В тамбуре я прислонилась к пыльной, давно не крашенной стене, угрюмо уставившись на Эльзу, – вблизи она казалась мне старой, измученной, издерганной.

– У тебя с ним что-нибудь было? – хрипло спросила Эльза и, поняв, что вопрос ее был слишком прямой, слишком глупый даже, скороговоркой добавила: – И не вздумай врать мне – убью!

Конечно, я не поверила в то, что она меня убьет, тем более что Эльза физически казалась слабее меня – худая, тонкая. Но ощущение плохого кино или тяжелого случайного сна все укреплялось в моем сознании.

– Ничего у меня с ним не было, – ответила я.

– Врешь! Вы были в том доме два часа.

– А ты в кустах сидела? – спросила я.

Эльза сверкнула глазами, резко подняла руку – в моей голове мелькнуло: «Сейчас ударит», – но она не ударила, а поправила пышное черное облако волос.

– Отвечай: было или не было?

Я видела: эта резкая, мрачная, уставшая девица проигрывает в нашем разговоре. Она хотела первенства, хотела быть сильнее, хотела унижить меня. Но разве можно искать первенства у побежденного, желать быть сильнее проигравшего?

– Слушай, Эльза, а как тебя зовут? – тихо, убаюкивающе спросила я. – Ведь это твоя кличка, да?

– Чмошница, примитив, хочешь быть со мной добренькой, хочешь в сестрички записаться? Я знаю: ты своего добилась, и Чёрт теперь твой, но только ненадолго. Он не привязывается ни к кому, никогда по-настоящему не любил... И я тебя предупреждала: не надо мне врать. Гляди, у тебя платье задом наперед надето...

Вполне вероятно, это была ловушка Эльзы. Но я клюнула на нее: покраснела, начала оглядывать себя, колотя коричневой сумкой по коленям.

– А-а, попалась, чмошница!

– Эльза, если ты хочешь меня унижить этим словом, – зря. Я не понимаю, в чем его обидный смысл, и поэтому мне совершенно наплевать.

Тут электричка остановилась. Мы приехали на темный пустой вокзал. Я выскочила на перрон и быстро, как могла, пошла к зданию метро. «Хоть бы метро работало!.. Хоть бы метро работало!» – лихорадочно билась в моей опустошенной, звонкой голове однообразная мысль.

Кто-то тронул меня за локоть. Это был Чёрт. Удивительно, необъяснимо. То, о чем я сорок минут назад мечтала, как о великом чуде, свершилось.

– Я провожу, – буркнул он. – Могут «обуть».

Высокий, стройный, мужественный, смелый, он шел рядом, то и дело касаясь моей руки, плеча. Но почему мне почудилось, что он спасает не меня, а сам спасается?

Мы стремительно влетели в пустое метро, на чистый, как осенняя утренняя дорога, эскалатор.

За нами протопала команда с несгибаемой Эльзой во главе. Когда я на мгновение оглянулась на наших с Чёртом преследователей, мне почудилось, что черные волосы Эльзы похожи не на облако, а на грозовую тучу со вспыхивающими в ней злыми, резкими молниями...

Чушь, чушь и бред!.. Моя мама с того момента, как мне стали нравиться мальчики, боялась, что я вступлю с кем-нибудь в интимные отношения – резко, быстро, легко, в животном плоском восторге. Бедная мама! Будто это так просто, будто человек – существо без мыслей, сомнений и сложнейших желаний. Теперь-то я, взрослая, знаю, как нелегко и страшно остаться с кем-нибудь наедине, вести прерывающиеся поцелуями запутанные разговоры, и тысячу раз сомневаться во всем: в себе, в нем, в необходимости свидания – и миллион раз в тоске ощущать: ухожу, убегаю от привычного бытия, меня как бы утягивает адская сила из радужной мыльной детской страны... А потом вдруг в самый последний, бездонный, засасывающий, как черная дыра, момент все-все переиначить, решить наоборот, вырваться из мозаики сильных ощущений – и

остаться свободной, прежней – и несчастной...

Светка Павлова не только дала мне ключ от родительской дачи, но и подробно, долго, нудно рассказывала, где что лежит, что можно трогать, а что нельзя, куда разрешается мне и Чёрту заходить, а куда нет... В конце своего нравоучительного монолога Светка предложила:

– Давай договоримся: я приеду на дачу на следующий день, часиков в одиннадцать, и если у вас это произойдет, ты поставь на стол на веранде пустую молочную бутылку, а керамическую вазу со стола убери на буфет. Ладно? А то я умру от любопытства.

Господи, она уже распоряжалась мной, как собой! Корова! Хорошо, что потребовала молочную бутылку поставить, а не цинковое ведро с дождевой водой.

Я пообещала любопытной Светке выполнить все ее предписания, и Светка – то ли совсем прониклась моей тяжелой бабьей долей, то ли почувствовала себя в роли сватьи, провожающей девушку в главный жизненный путь, – предложила мне надеть серебристое английское платье.

– Мать, оно интригует, манит. Вот увидишь, с этим платьем проблем не будет. Расстегивается вот здесь...

По поводу платья я тоже получила полный и подробный инструктаж. Вообще, у меня было ощущение, что я не платье примериваю, а еще теплую шкуру, только что снятую с живого существа.

Ну вот и все заботы... Перед выпускным балом я спрятала поглубже кремовое крепдешинное платье, сшитое мамой специально для выпускного вечера, натянула интригующее английское, принадлежащее Светке Павловой, схватила коричневую сумку, бросив туда пару яблок, влезла в новые твердые дорогие туфли (сорок рэ) и помчалась на вокзал, где ждал Чёрт.

На дачу мы приехали часам к восьми, в пепельные ласковые сумерки. Чёрт всю дорогу по лесу и поселку шел в двух-трех метрах от меня, молчал, много курил, и мне показалось, что у него еле заметно дрожат руки.

Светкин дом я открыла легко, ведь пару раз с ней и ее родителями бывала здесь, и довольно легко двигалась по комнатам и веранде, как по своей собственной даче.

Чёрт тут же плюхнулся на старый, уютный диван, стоящий как раз рядом с тем самым столом, на который я должна буду водрузить глупую пустую молочную бутылку. Он вытянул длинные ноги, снова закурил и уставился на меня немигающими глубокими глазами. «Хороню иметь черные глаза, – вдруг ни с того ни с чего подумала я, – не видно оттенков».

– Есть хочу, – сообщил Чёрт.

– Я тоже.

И начала тут же что-то стряпать, подогревать, резать. Вся эта возня с приготовлением ужина и ужином заняла у нас минут сорок.

Потом, когда совсем стемнело и над дачным поселком эхом пронеслись собачьи голоса и начали посвистывать близко-близко в траве у дома цикады, Чёрт взял меня за руку и притянул к себе.

Мы целовались почти целый час, молча, упорно, а я все это время дрожала как осенний лист.

Потом Чёрт вдруг что-то почувствовал, отстранился от меня и спросил:

– А у тебя кто-нибудь был, Командирша?

– А у тебя? – пролепетала я.

– Естественно! В последний раз рыжая одна. Раза три встречались. Потом она заявила ко мне домой и потребовала, чтобы я на ней женился.

До сих пор не пойму: зачем Чёрт говорил мне о какой-то рыжей? То ли не хотел, чтобы я повторила ее действия, то ли сообщал мне, что имеет некоторый опыт в интимных делах? Не знаю...

– А если я к тебе заявлюсь, как рыжая? – спросила я.

– Попробуй, – улыбнулся Чёрт в уже кромешной темноте и принялся шарить по интригующему серебряному платью – искал застёжку.

– Не так... – выдохнула я и показала, как и где оно расстегивается. Светкины уроки я усвоила добросовестно.

Мы говорили с Чёртом шепотом, как лунатики. Слово наши обычные голоса грохотали бы в ночном поселке камнепадом и все жители собрались бы у Светкиного дома с законными требованиями тишины.

И вот, когда мы уже стояли друг перед другом совсем безо всего и я в каком-то одурманивающем тумане увидела, что Чёрт совсем-совсем мальчишка, худой, неловкий, с синеватой, замерзшей кожей, – в этот момент у ворот Светкиной дачи прошуршали колеса автомобиля, хлопнула дверца, хохотнул женский голос, пробасил мужской, и я догадалась, что приехал Светкин папашка, дядя Олег.

– Бежим! – шепотом закричала я Чёрту.

Он испугался, ах как он испугался! Нервничая, стал натягивать джинсы, рубашку, куртку; кроссовки никак не зашнуровывались, и он от злости, испуга и ярости разорвал один шнурок.

Я тоже лихорадочно натянула платье, схватила одной рукой сумку, другой – тесные новые туфли и выскочила за Чёртом в открытое окно на веранде.

Когда мы уже влетели в лес и я остановилась, чтобы в росной траве вымыть заляпанные ноги, первое, что мне пришло в голову, – на столе осталась стоять не пустая молочная бутылка, а сковородка с недоеденной жареной колбасой. Я рассмеялась.

Чёрт, всю дорогу от поселка не проронивший ни звука, резко сказал:

– Глупо.

- Ты не понял... - хотела объяснить я.

- Не надо, а? - Голос его дрожал от обиды, злости, бессилия; я, широкоплечая, нелепая Командирша, видела его испуг, его полудетское тело, а теперь еще и смеюсь...

Он, не оглядываясь, широко зашагал по еле виднеющейся дороге. Он бросил меня. Я перестала для него существовать.

Мне пришлось весь путь бежать за Чёртовой тенью, как собачка. С детства я боялась темноты, тем более черного ночного леса.

В метро нам повезло: из тоннеля - мы ни минуты не ждали - появилась ленивая, тяжелая электричка. Мы вошли в пустой вагон, в тот же вагон вбежала возбужденная команда и черная, как туча, Эльза.

- Невезуха... - пробормотал Чёрт. - Всегда надо отрываться в метро, когда народу много. Теперь они не отстанут.

За окнами мелькали огоньки перегонов, тихие станции с полупритушенным светом. Команда о чем-то яростно, тихо переговаривалась, Эльза трясла головой и оглядывалась на нас.

Перед станцией, на которой мне надо было выходить, Чёрт, не глядя в мою сторону, сказал:

- Дойдем до твоей школы, там я останусь, а ты руки в ноги - и чеши домой.

- Почему - чеши? Я пойду. - Я попыталась усмехнуться и показать: мне не страшно.

- Я сказал: руки в ноги, значит, руки в ноги. Ты их не знаешь - мигом «обуют»...

- Правильно, не знаю и знать не хочу...

– Всё, – оборвал меня Чёрт.

Мы молчали, поезд вот-вот должен был въехать на мою станцию.

– Ты позвонишь мне завтра? – спросила я.

Конечно, он не собирался мне звонить, он уже выбросил меня из мыслей и непонятно зачем сейчас провожал... Да и я сама не знаю, зачем задала ему этот вопрос.

Чёрт не успел ответить. Поезд остановился, двери разъехались, и мы выскочили из вагона.

Эльза и команда не отставали. Они шли за нами быстро, тихо, следуя неясному для нас плану.

И тут на улице меня прорвало. Ну должны же люди уметь объясняться?!

– Чёрт, миленький, я не хотела тебя обидеть, – залепетала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andrianova_irina/moy-sumasshedshiy-papa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)